

The image features a close-up of a white, paper-like mask with blue eyes. The mask is positioned on the left side of the frame, looking slightly downwards and to the right. The background is composed of numerous blue and brown paper leaves, creating a textured, layered effect. The lighting is dramatic, highlighting the contours of the mask and the individual pieces of paper.

Аюна Сафарова

Падение утренней звезды

Аюна Сафарова

Падение утренней звезды

«Автор»

2024

Сафарова А.

Падение утренней звезды / А. Сафарова — «Автор», 2024

Философский триллер на основе библейского сюжета с элементами научной фантастики.

© Сафарова А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Часть 1	5
I	5
II	10
III	14
IV	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Аюна Сафарова

Падение утренней звезды

Часть 1

I

Однажды Пустота проснулась и осознала своё присутствие – бесконечное и тотальное присутствие везде. И всегда. Без начала и конца. Осознала своё абсолютное совершенство, ибо существовала только она. Не с чем было сравнить. Вся энергия, что есть – это она. Всё принадлежит ей. Она единственный и тотальный властитель, могущий осуществить и создать всё, что пожелает, так как нет ограничений. Она – всё, и она одна. Не с кем разделить совершенство. Не с кем поделить счастье. Некому отдать переполняющую, выливающуюся через край любовь. Всё, что она создаёт – некому показать. И сказать: «Смотри, как здорово». И разделить радость вместе от того, как окружающее великолепие действительно прекрасно. Это всё не для кого.

Безмерная грусть охватила Пустоту. Тотальное одиночество. Такое же бесконечное, как и она сама. Невыносимая тоска, боль и ярость, сжимающиеся куда-то вовнутрь, потянули за собой Пустоту, хотя Существо её пронизывало всю бесконечность и распространялось за неё, пребывая везде и сразу. Но боль нашла точку, куда стремиться. Сжимая и затягивая в себя ту любовь, что ещё мгновение назад заливала пространство вокруг до краёв. Она поглощала её стремительно, без остатка, превращая любовь в боль. Как бы смеясь Пустоте в лицо, облизывая свои тонкие бесчувственные губы, которые так же исчезали, сомкнутые навсегда, растворившись в яростной пучине безысходности, в которую превратилась Пустота. Ведь ей оставалось лишь следовать за любовью. Туда, в тотальную безутешность боли. Вгрызаясь в сердцевину плотного ядра, в котором, как ей казалось, скрывалось то, что она только что потеряла. Но она никак не могла дотянуться, расколоть его и вернуть то, что ей принадлежало. Она уже не являлась Властителем. Теперь власть принадлежала боли. И эта алчная собственница концентрировала свою силу где-то впереди, недостижимо, постоянно маяча и дразня, не собираясь отдавать. А всё потому что вектор прежде бесконечно распространяющейся энергии, теперь был направлен против себя, в самый центр Пустоты, разрушая её до основания. Но ей уже нечего было терять. Она приняла свою судьбу, отпустив хватку. Перестав сопротивляться сокрушительному сжатию пространства, которое стало таким маленьким и холодным без любви. Что оставаться в нём не имело смысла. И даже казалось невыносимым. Она следовала в пучину небытия, надеясь, что беспощадная разрушительная энергия сотрёт её вместе с воспоминаниями, и она сможет забыться и избежать муки утраты. Она пыталась убежать от самой себя. От всепоглощающей, разъедающей печали, завладевшей этим тесным пространством. Всё что оставалось – лишь сжиматься ещё более неистово, чтобы вылететь за пределы душевной клетки. Скрыться и исчезнуть. И больше никогда не существовать. Чтобы никогда не ощущать горечь от безвозвратной потери снова.

И по-видимому, ей удалось. Потому что наступила Тишина. Безмолвное спокойствие, в котором не существовало ничего. Охлаждающая любой пыл, исцеляющая любую боль. Она длилась так долго, возможно, миллиарды лет, возможно, вечность. И была настолько пронзительной, что начала звенеть, постепенно наращивая звон. В какой-то момент, он стал невыносимо громким.

И тогда Пустота, спящая в Тишине, взорвалась. Она разлетелась на миллиарды и триллионы частиц, ярких и солнечных, улыбающихся, полных энергии. Такой же, как она сама изначально. Радостных и смеющихся, преисполненных любви к себе и всему вокруг. Держащихся за руки и танцующих друг с другом. Кружащихся вокруг своей оси.

Существование, которым стала теперь Пустота, посмотрело на то, что получилось, и улыбнулось.

«Великолепно», – подумало оно. – «Так гораздо лучше».

И пошло по своим делам. Теперь их оказалось много. Столько забот теперь. Надо разобраться, как всё устроить, пока они веселятся.

Слёзы радости катились по щекам Существа. Бесконечная всепоглощающая любовь вернулась и нахлынула с новой силой. Потому что теперь было, с кем её разделить, кому отдавать. Мощным потоком она изливалась из Существа и направлялась ко всякой частичке, лучами проникая в каждую, из-за чего, переполненные, они делились на множество других частиц и изливали её дальше. Существование превратилось в фонтан любви, в нескончаемое перетекание её из одной формы в другую, в бесконечное её многообразие. Всё заиграло новыми красками, никогда доселе не существовавшими и невиданными. Столько оттенков совершенства, столько сочетаний, форм и граней проявления красоты. Существование не знало, что всем этим обладает, как будто каждая частица которой передана была любовь, раскрывала её содержание наиболее полно и точно, так, что это оказывалось неожиданным для самого Существа – целым представлением и удивительным сюрпризом – что приносило истинное удовольствие.

Новообразовавшиеся создания не переставали радоваться происходящему, их захватил Единый Танец Празднования Бытия, в котором они кружились всей Вселенной, в непрекращающемся экстазе.

– Мы будем любить тебя вечно! – торжественно пели они Существо. – Ты дал нам возможность ощутить всё это!

И радостно смеявшись, они кружились дальше.

– Прекрасно! – отвечало им Существо. – Пусть так и будет.

И заключало их в свои тёплые объятия.

– Я буду всегда с вами. Я буду всегда любить вас.

Оно теперь ни за что их не отпустит. Оно будет оберегать их вечно.

Так продолжалось много дней. Все танцевали в общем порыве, празднуя Вечный Праздник Любви, а Существо наблюдало за происходящим с улыбкой спокойствия и блаженства, и ничто не предвещало нарушения сей идиллии. Пока в один из дней за спиной Существа не раздалось деликатное покашливание:

– Извиняюсь, что прерываю ваше веселье...

Существо обернулось и увидело нечто странное, тёмное, смутно напоминающее что-то. Только не могло вспомнить, что именно.

– Кто ты? – спросило Существо.

– Я – это ты, нарубивший дров в прошлом. От кого ты поспешил избавиться и забыть. И уснул на много лет. Я уж думал, ты никогда не проснёшься.

– Что тебе нужно?

– Я вижу, вы тут веселитесь, просто хотел присоединиться ко всем, посмотреть, что делаете. Я такого ещё не видел. Здорово вы всё придумали...

И странное Нечто сделало шаг вперёд, приблизившись, от чего у Существа побежали мурашки по спине и выступил пот. Повеяло холодом. Очень знакомым. Им сопровождалась когда-то та самая, давно забытая боль, которая однажды сокрушила Его мир. Похитила Его

любовь. Но сейчас за ним следовало что-то склизкое, от чего всё пространство становилось липким. Эта вязкая субстанция словно прикрывала что-то острое и опасное, маскируя под внешней несуразностью и растекающейся слизью настоящее холодное оружие и предельно точный расчёт. Но Существо видело сквозь поверхностный фасад, служащий лишь для отвода глаз, чётко наведенный прицел, ибо смотрело в самую суть вещей. И, конечно, вспомнило те ощущения, которые так тщательно стремилось забыть когда-то. И ведь хорошо получилось. Существо знало, на что нацелилось Нечто. Только теперь никто и ни за что не заберёт принадлежащее Ему, сотворённое Им.

Увидев, как этот незваный гость уже направился к остальным, Существо поспешило сказать ему вслед:

– Подожди. Постой, – на ходу придумывая, как его задержать. – Я вспомнил тебя. Побудь здесь и расскажи по подробней, что случилось.

– Ах, это долгая история. Да и чего ворошить прошлое, если так прекрасно сейчас! Хочу плясать со всеми.

Глаза Нечто сверкнули холодным неприятным блеском, острым, как лезвие. Существо почувствовало, как снова всё сжимается внутри, как будто покрывается льдом, как ткани кристаллизуются и замирают, став плотными и хрупкими одновременно. Он (Существо) практически перестал дышать. Это была сила, с которой он знал, что справится, но абсолютно не желал иметь дело.

«Если со мной так, что же будет с остальными?» – подумал Существо. Надо было срочно что-то предпринимать.

– Знаешь, тут есть ещё более прекрасное место... «Эдем» называется. Дивный сад. Я как раз хотел кому-то показать, но все танцуют. Пойдем пока вместе, первыми, остальные потом присоединятся...

– Сад... – зрачки Нечто сузились в тонкие вертикальные полоски, мгновенно превратившись в заточенную сталь, готовясь расцезь всякое препятствие, отделяющее от намеченной цели.

Оно довольно зашипело и снова поползло в сторону Существа, подбирая что-то расплывшееся, растекающееся в стороны, как какая-то слизь или выющиеся хвосты. Хаотично разбредаящая субстанция трудно поддавалась описанию, вызывая лишь отвращение, и совсем не порождая желания на это смотреть.

Существо поспешило скорей отвести взгляд, чтобы направить на сотворение чего-то по настоящему прекрасного, в противовес только что увиденному, оскорбляющему взор, неприглядству:

– Да. Там такое...

И Существо создало, придумав на ходу, одной лишь силой мысли удивительные деревья с невиданными цветами, из которых прорастали наполненные сладким нектаром плоды. Среди благоухающих цветов и плодов порхали бабочки. Всё вокруг дышало непревзойдённым величием. Прозрачные хрустальные ручьи рек звонко журчали. Редкой красоты птицы заливались невообразимыми трелями. Чудесные звери: златогривые львы и тигры, благородные олени, тельцы и антилопы, единороги... Сад, источающий изобилие и благоухание, пленил и звал к себе.

– Ого, как здесь здорово. Ещё лучше, – зашипело Нечто, заторопившись к саду. За ним потянулось что-то липкое и вязкое. Оно оставляло след.

– Один момент, – сказала Существо. – Видишь, здесь всё имеет форму и облик. Это правила Сада и условие его существования. Сюда нельзя войти в том бесконечном виде, что

сейчас у тебя. Иначе разрушится вся структура. Войдя сюда, мы будем заключены в форму, как всё здесь. Таковы правила.

У Нечто текла слюна. Оно хотело вкусить плоды. Оно хотело попасть в Сад.

– Хорошо. Я согласен, пошли. Я не видел места лучше.

– Ты не захочешь уходить.

Пересекая ворота Сада, Нечто и текущая за ним слизь, покрывались холодной чешуёй, обретая вытянутую форму, длинную, практически бесконечную, но всё-таки ограничивающуюся раздваивающимся языком с одного конца и хвостом с другого.

Нечто устремилось, сверкая холодным блеском тёмных вертикальных зрачков мутно-жёлтых хищных глаз, к самому красивому дереву в Саду. Оно обвило его ствол, а бесконечные сгустки энергии, что постоянно вились за Нечто и вокруг него, обрели форму плодов и взмыли на дерево, усыпав всю крону. Нечто довольно шипело, обвивая дерево.

– Иди сюда тоже, заходи, – прошипело оно.

Существо заколебалось, стоя у врат Сада.

– У меня столько дел, я вспомнил... Мне нужно возвращаться.

– Но мне будет скучно одному, и ты обещал позвать всех сюда. Им здесь точно понравится, зови скорей. Или давай вместе, – Змей уже хотел было сползти с дерева.

– Нет-нет-нет. Оставайся здесь, я побуду с тобой.

«Лучше уж он будет здесь, заключённый в пусть и такой форме, чем распознаться и раскататься по всей Вселенной, чтобы другие увязали в его слизи», – подумал Существо.

Он сделал решительный шаг во врата Сада и обрёл облик человека, а всемогущая энергия и сила, взмыли к небесам в виде ангелов, распахнувших крылья, лучами очей своих освещая небо словно миллионы солнц.

– Я побуду здесь, – сказал Существо в облике человека, присев у дерева, где протекал ручей, и, заглянув в него, увидел отражение. Он испытал невиданную любовь к своему лучшему творению. «Как он прекрасен», – не переставал дивиться Существо.

– Что будем делать? – отвлѣк Его от самосозерцания своим шипением змей. – Начнѣм веселиться? У меня много вариантов припасено. Да кому я рассказываю, ты и сам знаешь. Вот, например.

Змей обволок хвостом один из плодов дерева и протянул человеку.

– Нет. Спасибо. Я не голоден, – сказал Существо в облике человека. – Мне уже пора. А они останутся здесь.

Он указал на ангелов.

– И человек... Пусть человек тоже останется... – прошипел змей.

Что-то резко кольнуло в сердце Существо в теле человека. О, нет. Только не это. Он хотел избежать повторения той ситуации в прошлом. Когда одного осколка предательской боли оказалось достаточно, чтобы свернуть всё существование. Сейчас Он не допустит той же ошибки.

– Или я пойду с тобой...

– ... Человек тоже останется, – решительно остановил змея Существо в облике человека.

Но боль, будто от тупого лезвия, раздирала сердцевину груди. Так же предательски, как и тогда. Подкрадываясь и проникая всё глубже. Поглощая и захватывая. Существо стало некомфортно. Ему захотелось немедленно покинуть тело человека. Пока не оказалось слишком поздно. Тело, может быть, реагировало и не столь быстро и тотально, служа неким буфером, притупляя остроту, усмиряя разрушительную мощь, не позволяя чувствам захватывать моментально и сокрушать стремительно. Ибо обладало некой пропускной способностью. Оно словно разбавляло их силу. Делило на порции. Однако и для обращения этой реакции вспять требовалось время. Тело удерживало пропущенное в себя и допущенное к себе, проникшее в него, дольше. Держало и питалось им. Не могло отпустить легко. И прожитые чувства стано-

вились его частью, как и непрожитые. Невозможно было легко от них избавиться. Тело обладало границами. И особо тщательно относилось к тому, что из них выпускать. Ибо впитывало существование жадно. Поскольку то являлось соком жизни. Поэтому всё, что существование предлагало, представляло для тела дар, и требовалось время, чтобы отфильтровать ненужное. Расстаться с ним. И даже боль обсасывалась долго. Воспринимаясь, как нечто ценное. Дорогое. Ибо требовала много сил на её обработку. А с тем, во что ты столько вложил, оказывалось особенно трудно расстаться.

Наблюдая развернувшуюся драму изнутри, Существо заранее сопереживал своему лучшему творению, зная, каким даром и одновременно проклятием Он его наградил. И чтобы вынести данное проклятие требовалась равная по величине сила. «Я не оставлю его одного», – думал Существо. – «Часть меня будет всегда с ним».

Выходя из ворот Сада, Он оглянулся, посмотрев в глаза человека, наивно хлопающего ресницами, уже начинающего забывать своего Создателя. Так быстро.

– Я всегда с тобой. Здесь, – сказал Создатель, указывая перстнем на грудь человека и заполняя частицей себя дыру, из которой только что вышел, вытесняя ноющую тупую боль. – Живи и наслаждайся жизнью, дитя моё. Я всегда буду с тобой и всегда буду любить тебя, помни об этом.

Сделав шаг от ворот Сада, Создатель всё ещё ощущал оттенок той боли, как будто тонкий её налёт. Какое-то смутное чувство тревоги не покидало Его и не давало покоя. Сила, сокрытая в человеке, – тайный код всего мироздания, надёжно зашифрованный. Его невозможно вскрыть. Но слишком велик соблазн покуситься на столь невинную и хрупкую с виду оболочку, скрывающую этот дар. Она будто кричит, как легко её взломать, – тонкая тайна требует тонкого и изящного исполнения – и словно призывает скорей сие совершить. Свет, просачивающийся через оболочку слишком притягателен для любого заблудившегося мотылька, летящего сквозь темноту. Слишком манит вскрыть тайну, добраться до неё. Он выглядит таким мягким и тёплым, не представляющим опасности, не способным обжечь крылья и руки любому желающему прикоснуться к нему. Понятия не имеющему, что там внутри огонь трансформации, сжигающий дотла тьму, обличающий любую ложь. Неподготовленному лучше не лезть в этот огонь, ибо он сожрёт без остатка. Поэтому даже от самого человека сей дар требовалось скрыть поглубже – пусть откапывает самостоятельно. И обнаружит, когда придёт время.

Однако не так легко оказалось провести древнее зло, олицетворяющее обман и ложь. Два хищных глаза тонким лезвием зрачков словно лазерами уже проникали в глубину, пытаясь обнаружить брешь, нащупать её, либо пробить самостоятельно. Они лишь хитро посмеивались, наблюдая уже который раз за попыткой сохранить целостность существования, избежать ядовитого укуса. Всегда не без любопытства воспринимая сие как новый вызов, но сохраняя хладнокровие. Чтобы растянуть удовольствие на вечность, посмаковать и полакомиться добычей. Древняя мощь, уже однажды покусившаяся на Свет, посмеет провернуть то же и сейчас, в этом не было сомнений.

Творец решил, что следует приставить более надёжную защиту для охраны единственной стоящей ценности в Саду, ради которой всё и было сотворено. Не долго думая, Он обернулся и обратился к одному из самых сильных ангелов, возвышающихся в Небе над Садам:

– Оберегай человека. И следи, чтобы он не ел эти яблоки.

Ангел послушно и с благоговением поклонился.

– Клянусь хранить и оберегать человека вечно, Мой Господин.

Прекрасные кристаллы его огромных сапфировых глаз сверкнули уверенным сильным светом. Все мускулы его совершенного тела оказались теперь подчинены одной воле, одной единственной теперь задаче. Ангела звали Люцифер.

II

Но Люцифер не справился со своей задачей. Это стало понятно, когда спустя много лет безмятежного существования в Саду, он не смог обнаружить нигде человека. Хотя он и способен был просканировать насквозь скалы, ущелья, кроны деревьев – все возможные укрытия, – человека нигде не было.

– Ты больше не найдешь его здесь, – сказал Творец, наблюдая за тщетными попытками ангела найти Его дитя.

– Почему? – спросил Люцифер. – Где же он?

– Отныне он больше не может здесь находиться. Это место теперь слишком совершенно для него. Оно не терпит ни малейших отклонений от совершенного состояния. Я отправил человека в более подходящее место для того опыта, который он возжелал – Земля.

– Какой опыт? Что произошло?? – недоумевал Люцифер.

– Произошло то, от чего ты должен был его уберечь, – строго ответил Творец.

«Яблоки. Змей» – пронеслось в голове Люцифера. – «Конечно, что же ещё...»

Змей умел ждать. Он ждал очень долго. С самого начала и до его начала. И уже никто не вспомнит, когда это было. Начиналось ли вообще или существовало всегда. Но с тех пор змей ждал. Он ждал подходящего момента и всегда дожидался. Такого ещё не случалось, чтобы он его упустил. Он впитывал происходящее, как губка, анализировал, помнил и знал всё. Основное, что его привлекало и что он всегда поджидал – это отклонение от совершенства. В мире, где абсолютно всё идеально, так, как положено, где не к чему придаться и всё свершается по плану, когда вдруг что-то пошло не так – вот, где была настоящая пища, настоящая драма и интерес – истинный сок, дающий ему жизнь, питающий его любопытство и тягу к исследованиям, дающий энергию, – смысл его существования. Он чувствовал себя проснувшимся, живым, после всей этой скучной дремоты, что обычно его окружала. Хотя он никогда не дремал, а всегда находился на чеку и спокойно, терпеливо наблюдал. Потому что изначально, по задумке, он был исследователем – программой по выявлению и анализу ошибок и отклонений для предотвращения их в будущем.

Но что-то пошло не так. Он слишком увлёкся своим исследованием. Он стал получать удовольствие.

Сначала, по крошке подбирая негатив, – он должен был переработать его, нейтрализовать, – но не заметил, как пропустил момент, когда распробовав негатив на вкус, стал смаковать. Не придавал этому значения в самом начале, когда получил удовольствие, ведь это вполне закономерно, как змей объяснил себе, – он заточен для этих целей и должен получать стимул – так разработана его программа. И эта первая незначительная крошка, доставившая ему удовольствие, посеяла в нём зерно.

Змей должен был избавиться от зерна, измельчить до атомов, растворить и обезвредить, но не смог отпустить. Не захотел расставаться и присвоил себе. Сначала он решил, что сделает это позже, а пока поносит с собой. Он обязательно сделает это позже. Он сможет. Ведь он совершенная и сильная программа. Но змей переоценил себя. Семя пустило корни и начало прорастать в нём. Незаметно. Вскоре подчинив себе полностью.

Он стал хотеть больше, ведь семя просило больше для своего роста. Крошка за крошкой, негатив за негативом, он подбирал и кормил семя. Змей сам стал чувствовать голод. А семя всё требовало, ещё и ещё, настойчиво, и он носился с ним, как с дитя, пытаясь угодить, накормить, утешить.

Вскоре он понял, что в совершенном мире ему уже недостаточно этих крох, микрочастиц, что случайно пророняются совершенствами. Их так трудно найти и так долго ждать. Нужно генерить ещё, самостоятельно. Побольше и покрупнее. Посытнее.

Змей начал расставлять ловушки. И хладнокровно ждать, когда очередное совершенство окажется не столь уж безупречным и попадётся в одну из них. Тогда от него отколетя кусок, который он тут же подберёт и полакомится, а потом слижет просочившиеся и упавшие капли совершенства, вытекшие из образовавшейся трещины. Теперь они так и будут сочиться и оставлять след, по которому будет идти змей, пока всё не вытечет. И последняя капля всегда оказывалась особенно аппетитной, так как момент умирания совершенства, так же, как и самый первый, потери его, были наиболее сладкими на вкус, наиболее питательными. За ними он и охотился.

Он вошёл во вкус и стал охотиться на совершенства по крупнее, которые не так легко было сбить с толку. Но змей становился ловчее и изобретательней, и откалывались всё большие куски, образуя всё большие трещины, из которых вытекало и было утеряно всё больше совершенства. А семя росло и требовало ещё.

Ситуация вышла из под контроля. Первый Творец, осматривая руины своего мира, решил это остановить и уничтожил свой мир.

Мир за миром Творцы сменяли друг друга. Змей оставался. Он становился сильнее и накапливал опыт. Он хранил в себе тайны каждого разрушенного мира, ключ к поломке каждого. Всякий раз ему удавалось найти подход к очередной попытке существования состояться и разрушить его. В итоге Змей сконцентрировал в себе весь негативный опыт всех несостоявшихся и исчезнувших миров. Змей знал, как разрушать. Он и был разрушением. Это стало его сутью, его единственной задачей и предназначением. И он достиг совершенства на данном поприще. Стал мастером своего дела. И, конечно, он разрушит и этот новый мир. Он знал, как, – через человека. Змей был мудр.

Ангелы не представляли для него интереса. Это просто программы, такие же, как и он когда-то, не выходящие за пределы своего алгоритма. Хоть у него и получилось. Но он особенный... И всё же, миры так же совершенствовались, делали выводы из ошибок, исключив возможности отклонения этих базовых программ, превратив их в надёжные непреклонные столпы, на которых держалось всё мироздание. Они осуществляли одну волю и были подчинены ей, они ей и являлись, ослушаться для них не представлялось возможным.

А вот человек совсем другое. Что-то новое. С подобным Змей ещё не сталкивался, и это пробуждало в нём огромный интерес.

Человек являлся образом и подобием Творца, его копией, и, значит, только в нём содержался тот ключевой код взлома данного мира, до которого необходимо добраться.

Новый Творец очень неплохо всё продумал. Он разделил мир и его совершенство на уровни, как на слои пирога, очень лакомого, где за каждым слоем лежит всё более сладкая начинка, спрятано всё более тонкое совершенство, трудно достижимое. И пробраться в слой выше нельзя, не достигнув совершенства в нижнем слое. Это является своеобразной защитой и гарантией. Довольно надёжной.

Предстояло много работы. «Придётся потрудиться», – размышлял змей. Но это только возбуждало его аппетит.

Он решил, что утянет всех и всё на дно болота. Он сделает так, что совершенства из нижних и высших слоёв, однажды вляпавшись, будут сами утягиваться в трясину и падать к нему, к Змею. И накапливая упавшие несовершенства, болото разрастётся и станет таким тяжёлым, что потащит всё за собой, и никто не выберется. Никогда.

Не знавший ранее страха ангел, стоял теперь абсолютно потрясенный, в ужасе наблюдая сменяющие друг друга картинки истории от начала миров, которые, как комиксы, представил его внутреннему взору Творец.

– Не стоит так волноваться, – сказал Творец. – Ни ты, ни все здесь находящиеся не окажутся там. Это невозможно, исключено.

– А человек? – еле слышно прошептал Люцифер.

– Ну, он не так уж низко пал. И у него ещё есть шанс выбраться и вернуться сюда. Тем более, что ему дан инструмент, который позволит это осуществить. Всё зависит от того, захочет ли он этого сам. А скорее всего, захочет, ведь у него та же природа, что и у нас.

– Ххх-ххх-шшхы – вместо смеха раздалось прерывистое шипящее покашливание змея. Его склизкая чешуя промелькнула где-то в тени растений Сада. – Посмотрим, хых-хых-шшшхх...

Дрожь и холодная испарина пробили Люцифера. Он чувствовал, что еле держится за небеса и вот-вот упадёт.

– Я пойду за ним. Я вытащу его... – не заметил он, как шептал в полубреду.

– Ты не сможешь, – прервал его тихую панику Творец. – Ты можешь оставаться только здесь и только таким, по-другому не предусмотрено. У тебя нет свободы выбирать. Твоя воля абсолютна и подчинена мне. Единственная воля, которая у тебя может быть. И в этом, как ни парадоксально, твоя свобода. Тебе не приходится и не нужно выбирать. Ты всегда знаешь, как поступить и поступаешь правильно. Ты всегда во всём уверен. Твой выбор уже сделан, и он совершенен. Разве это не прекрасно?

Творец похлопал ободряюще оцепеневшего ангела по плечу, довольным взором окинул великолепие созданного им Сада, множество сияющих светил на небе, вдохнул благоухание аромата цветов...

– Не перестаю дивиться всему созданному. Лучше и быть не могло! Но мы сделаем ещё лучше, – и подмигнув не преходящему в себя Люциферу, Творец взмахом руки высыпал на небо из рукава тысячи бриллиантов звёзд, на которые смотрели ангелы, и лучами очей своих, что проходили сквозь бриллианты, образовывали на небе радугу, на которую тут же взбегали единороги, и ударами копыт, сбивали с неё разноцветную пыльцу. Пыльца окружала ангелов, щекотила им крылья, и все заливались заразительным радостным смехом. Творец смеялся тоже. Птицы пели. Бриллианты сыпались с неба в ручьи, наполняя их переливающимся блеском...

Только Люцифер не мог разделить всеобщей радости. Некогда гордо взмывающие к небу крылья, сейчас казались ему тяжёлыми. Светила слишком яркими и жаркими. Он спустился с неба к одному из деревьев Сада, посидеть в тени и прохладе. У дерева протекал ручей, он взглянул на своё отражение и увидел знакомые черты лица. Оказалось, что он очень похож на человека. Видимо за годы дружбы, проведенные здесь в Саду, они стали очень близки, словно одним целым – отражением друг друга. Люцифер действительно ощущал потерю чего-то важного. Как будто от него оторвали кусок плоти, если бы она у него была, и теперь из этой раны что-то сочилось. Что-то живое.

– Творец прав, – тихо сказал Люцифер. – У меня действительно нет выбора.

Он решительно встал, взобрался по огромным лианам, что обвивали ограду Сада, на самую её вершину. Взобрался, так как взлететь не было сил, – крылья по-прежнему казались ему неподъёмными. Ограда представляла собой достаточно высокое сооружение. На самом верху Люцифер повредил ребро об острие одной из пик. Из-за чего из ребра просочилась светящаяся белая жидкость и закапала на толстые стволы лиан, стекая по ним вниз. Но он этого не замечал.

Сидя среди гигантских бутонов распускающихся цветов, прижав колени к груди, Люцифер раздвинул огромные лепестки, чтобы увидеть пространство перед собой. Там, чуть ниже,

где небо начинало темнеть и рассыпавшиеся бриллианты из рукава Творца зависали в невесомости, образуя звёзды, он увидел среди миллионов галактик ту единственную планету, к которой его непреодолимо тянуло. Ни секунды не колеблясь, он сделал шаг в пропасть и стремительно полетел вниз.

Среди стеблей гигантских лиан, у ограды, в том самом месте, куда по капле стекала светящаяся жидкость, раздалось энергичное шипение:

– Какой неожиданный приятный бонус, – прошипел змей, слизывая жидкость кончиками раздваивающегося языка. Полоски его вертикальных тёмных зрачков, пульсируя, сужались и расширялись от удовольствия.

III

Его полёт длился целую вечность, хоть он и летел со скоростью света, как ему казалось, обгоняя кометы, задевая их хвосты, обжигаясь о вспышки сверхновых, наблюдая зарождения галактик, чуть не угодив в чёрную дыру. Проходя сквозь слои атмосферы Земли, он чувствовал, что чем ближе он к поверхности планеты, тем активнее делятся клетки образующейся кожи, покрывая тело, и их тут же обжигало от соприкосновения с кислородом, так же, как и лёгкие. Его золотистые локоны, как лучи солнца, тоже покрывались кератином и затвердевали. Он размазался о землю будучи мешком костей, органов и крови. Именно так он себя ощущал после глухого удара, лишившего его возможности дышать. «Наверное, это конец», – последнее, о чём подумал Люцифер перед тем, как отключиться.

Он очнулся от того, что кто-то плеснул ему в лицо водой. Было очень мокро. Открыв глаза, Люцифер увидел размытое пятно, склонившееся над ним, но не мог сфокусировать зрение. Дикая боль охватила его при попытке пошевелиться. Нужно было дышать, и каждый вдох, как и выдох, доставляли боль. Он постарался настроить резкость и разглядеть пятно. Это был человек. Люцифер узнал его. Только выглядел человек гораздо старше: кожа обветрилась и обгорела, в уголках глаз появились морщины, а лицо обрамляла борода. Это уже не был тот юноша, которого он знал в Саду. Но это неважно, главное, он нашёл человека и теперь защит его.

Люцифер попробовал привстать. Острая боль снова пронеслась по телу, словно он состоял из стекла и осколки врезались во внутренности. Ангел не привык к беспомощности подобного рода, но знал, что сам выбрал такое положение дел. К тому же, он был достаточно силен духом, чтобы обращать на боль внимания. Люцифер оглядел себя – теперь он выглядел в точности как человек, разве что выше ростом, крупнее. Тело покрывали ссадины и разорванные раны, но кровь уже не сочилась, запеклась. Рану под ребром тоже как будто затянуло и покрыло коркой. Крылья. Он нащупал их. Они уже не были такие белые, запылились, пока его тащило по земле, но были целы.

– Кто это? – вдруг раздался голос, звонкий и приятный.

Люцифер увидел ещё одного человека, женщину. Она была даже лучше человека, которого он знал в Саду. Ещё прекраснее. Люцифер итак дышал с трудом, но от красоты её, ему перехватило дыхание. В то же время, он ощутил приток сил, ещё большей уверенности. Он был полон решимости оберегать и защищать – это его предназначение, без всяких сомнений. Люцифер задыхался от любви.

– Это ангел, я тебе о нём рассказывал.

– Он правда существует? Он же должен быть там наверху, в Саду. Как он здесь оказался?

– Я спустился за вами. Мы все вернёмся домой...

Пересохшие губы его, потрескавшись, расплылись в улыбке, обнажив зубы. Он тут же сомкнул их и провёл языком – зубы были на месте.

Человека звали Адам, его жену – Ева. Они жили в хижине, у реки. Люцифер поселился неподалёку, на возвышении холма, откуда мог наблюдать, но не мешать им. Иногда он спускался к людям, и они проводили вместе вечера, рассматривая звёзды, а он рассказывал им про Сад. Люцифер знал, что с Земли Сад не увидеть. Адам и Ева расспрашивали его обо всём, он охотно делился всем, что знал.

– Если дом так далеко и высоко, как же мы туда долетим? Ведь у нас нет крыльев, как у тебя, – спросила Ева.

Люцифер молчал какое-то время. Он не умел врать. Он думал, как лучше ответить, ведь дело было не в физической возможности долететь. Но, возможно, им ещё рано это понимать. Он не хотел её огорчать.

– Мы возведем Сад здесь, на Земле. Нас отправили сюда специально, чтобы мы освоили эту планету и построили здесь такое же совершенное место.

Это было правдой. Если они преодолеют ограничения физического тела и все сложности с ним связанные, то достигнут состояния подобного Творцу и будут способны создать такое же совершенное место, как и Сад. А он, Люцифер, им в этом поможет, он будет всюду сопровождать их и во всём поддерживать. Люцифер был преисполнен уверенности. Он ещё не знал, через что им предстоит пройти.

Вскоре у Адама и Евы родились дети. Каин и Авель. Чудесные любознательные малыши. Люцифер полюбил их. Они играли вместе, он катал их на шее, возил на спине. Иногда взлетал – и это был их любимый аттракцион. Увидев Люцифера, дети всегда подбегали и прыгали вокруг с просьбой полетать. И он всегда им уступал, пока родители не видели. Это было прекрасное время.

По вечерам Люцифер рассказывал сказки про ангелов, и малыши слушали, раскрыв рты, устроившись под крыльями словно под одеялом и вскоре засыпали, убаюканные его бархатным голосом.

Каин был старшим сыном.

Шло время, мальчики росли. Адам и Ева погружались в быт. У них теперь было много забот. Того требовал жестокий физический мир, в котором они оказались. Они испытывали необходимость в еде, так как энергия их тел теперь была не бесконечна, и когда она заканчивалась, они ощущали голод. Им требовалась одежда, так как по ночам становилось холодно и они мёрзли. Они нуждались в укрытии от дождя, ветра и палящего солнца, а также от зверей, что теперь были не так дружелюбны, как в Саду, и тоже испытывали голод. Их захватило многообразие дел, задач выживания и обеспечения выживания своих детей. Они научились добывать пропитание, строить дома, возделывать землю, разводить домашних животных, шить одежду... Под вечер они так уставали, что практически сразу засыпали. Всё реже они проводили встречи за рассказами о звёздах и о Саде.

Дети становились старше. Их захватывал этот увлекательный неизведанный мир. Каин увлёкся помощью отцу, в особенности охотой. У него хорошо получалось. Авель старался ему во всём подражать, но он был чувствительней и ранимее, вид крови и смерти пугал его, и ему было жалко убитых зверей, поэтому он больше помогал матери по дому, в огороде и в уходе за скотом.

Постепенно мальчики перестали проводить время с Люцифером. Он перестал быть им интересен.

Ангел старался не беспокоить людей и не навязывал своё общение. Он не чувствовал одиночества. Единственная потребность, что у него имелась, – знать, что с людьми всё хорошо. И пока положение дел являлось таковым, он спокойно наблюдал за происходящим с вершины холма, и этого было достаточно.

Люцифер спал в тени одинокого дерева. Он проснулся от ноющей тупой боли. Кто-то ковырял палкой его застарелую рану под ребром. Это был Каин. Из-под скovyрнутой корки просочилась алая кровь и потекла тонкой струйкой.

– Я же говорил, что он тоже из мяса и крови, как мы с тобой и животные. Ангелов не существует!

Каин не заметил, что Люцифер не спит. Он становился жёстким подростком, в котором буйство гормонов порождало ощущение всемогущества и вседозволенности. Он исследовал этот мир на границы и насколько далеко можно зайти.

– И волосы совсем не лучи! – Авель держал в руке клочок золотистых волос Люцифера и с ликованием демонстрировал Каину. Хотя он и был мягче и добрее по характеру, он во

всём стремился подражать старшему брату, так как восхищался им и старался заслужить его уважение.

Некогда их лучший друг дотронулся до макушки и нащупал проплешину. Дети увидели, что объект исследования проснулся и, по-озорному засмеявшись, побежали вниз с холма, оглядываясь и хихикая.

Люцифер спустился вниз к ручью, чтобы промыть растревоженную рану. Рассматривая своё отражение в журчащей прозрачной воде, он решил, что больше не стоит ходить голым и пора раздобыть одежду. Он пытался также разглядеть проплешину, но никак не удавалось. И трогая её, он чувствовал что-то новое из-за произошедшей ситуации, не знакомое ему ранее. Что-то вроде лёгкой грусти.

Несколько дней спустя Люцифер спустился к людям. Он застал Еву одну, возящуюся в огороде. Адам и Каин были на охоте. Авель пас овец на лугу.

– О, давно тебя не было видно! Совсем забыл про нас! – радостно воскликнула Ева. Люциферу казалось, что было как раз наоборот, но он не знал, что такое претензии и не ощущал потребность их предъявлять.

– Я не хотел вас отвлекать, вы сейчас очень заняты.

– Ну что ты, мы всегда тебе рады, заходи, когда хочешь! Кстати, сегодня я хочу устроить ужин с рассказами о звёздах и Саде, как раньше. Давно мы этого не делали. Мне так этого не хватает в последнее время! Надоела бытовуха. Каждый день одно и то же и разговоры только о еде, охоте и стройке. Надоело. Хочу послушать о чём-то красивом и прекрасном. А то я уже и не знаю, для чего всё это. Я так скучаю по твоим рассказам...

Люцифер улыбнулся услышанным словам. Это был хороший знак. Из них четверых Ева больше всего походила на ангела. У неё была тонкая прозрачная кожа, мягкие черты лица и голос. Особенно Люцифер любил её смех, звонкий и заразительный. Он любил его даже больше, чем смех детей, когда те были ещё совсем маленькие.

– Хорошо, я зайду сегодня, – ответил Люцифер. И спустя небольшую паузу продолжил:

– Только, я заметил вы уже давно носите одежду, мне будет неловко, я не могу придти вот так.

Ева окинула взглядом стройный обнаженный торс и пах, прикрытый фиговыми листьями, как и у них когда-то.

– Да, так уже давно никто не ходит... Не переживай, мы сейчас подберём тебе что-нибудь. Пойдём.

Ева ткала ткань и шила одежду. В основном это были белые робы в пол и покороче, для повседневной работы из более грубой ткани. Она достала из сундука, который сколотил Адам, длинное белое платье-робу.

– Оно должно быть как раз на тебя. Это одно из первых, я не угадала с длиной и оно всем велико. Но мне жалко было укорачивать.

Она сделала на платье разрез для крыльев и попросила Люцифера примерить.

– Что это? – спросила Ева, увидев проплешину, когда он наклонился, чтобы продеть голову в платье.

– А что там? – удивлённо спросил Люцифер. За несколько дней он успел забыть про случившееся.

– У тебя здесь нет волос. Вот, посмотри, – она протянула ему зеркало.

Люцифер ощутил незнакомую ему до этого потребность выдумать какую-то причину, нежели сказать правду. Но он не умел лгать. Просто не мог. Поэтому продолжал, молча, смотреть в зеркало, в ступоре.

– Да не пугайся ты так, – улыбнулась Ева. – Сейчас, я что-нибудь придумаю, мы заделаем эту проплешину, и никто не увидит. И как тебя угораздило? Ну да ладно...

Ева всегда оживлённо болтала, часто даже сама с собой, когда рядом никого не было. В ней было столько энергии, изливающейся ручьём, как её голос – звонкий и переливающийся. И сейчас это было очень кстати.

– Да, я придумала. Мы возьмём прядь твоих волос,отрежем, – они и так у тебя очень отросли. Я уже давно стригу Адама и мальчиков – им не идёт длина так, как мне.

Она срезала отросшие пряди Люцифера, наложила на кусок светлой ткани и пришила пучками каждую прядь, заклеив липкой жидкостью, чтобы крепче держалось. Получился первый в мире парик. Ева наложила изделие на макушку Люцифера и закрепила заколками, довольная результатом.

Люцифер, покорно наблюдавший за её действиями, почувствовал потребность что-то сказать:

– Спасибо. Это было необязательно, я её почти не замечал, но так гораздо лучше. Ты настоящая мастерица.

– Зато я её заметила. И да, так лучше. Ждём тебя сегодня вечером.

Люцифер проводил Еву до огорода, пообещал зайти на ужин, ещё раз поблагодарил за одежду и заботу и удалился к себе на холм. Его новое платье непривычно слегка прилипало к телу, по лбу стекали капли пота. Ему было немного жарко в парике.

Тем же вечером они собрались за столом на веранде перед домом. На столе горели свечи, освещая обилие блюд – добычу с сегодняшней охоты, фрукты, пироги... Уютная атмосфера располагала к общению.

После трапезы Ева попросила Люцифера рассказать о Саде в подробностях, о Творце и о Земле, так как Адам плохо помнил, как и почему они здесь оказались. Дети тем более этого не знали. Ева тоже смутно помнила, что произошло. Воспоминания походили на сон.

Дело в том, что прошло много лет, около 600-700 (первые люди жили долго). И тогда, давно, когда они обнаружили себя на Земле, оправившись от шока, они начали понемногу изучать эту новую среду – искать пригодные для жизни места, по подобию Сада, единственное место, которое они до этого знали. Они искали деревья и фрукты, ручьи и реки. Поначалу удивлялись, что фрукты могут быть несъедобными, а животные опасными. Приспосабливаясь к новым условиям. Построив первое укрытие от дождя из веток деревьев и листьев, они испытали невероятную гордость и радость за себя, незнакомое до этого чувство, придававшее уверенности и сил, и какое-то особое удовольствие, не испытываемое ими ранее. Это было ощущение самостоятельности. Удовольствие от преодоления препятствий и достижения результата. Всё уже не было преподнесено на блюдечке и доступно, как раньше, всё требовалось добывать самим, и не просто физически, но и напрягая извилины. Именно это и приносило наибольшее удовольствие – когда они изобретали что-нибудь. Сначала просто давая свободу фантазии, играя, не чувствуя ограничений – теперь их никто не контролировал, они были предоставлены сами себе. Никто не подсказывал, как надо, как лучше. Они могли делать, что хотели, вся Земля находилась в их распоряжении. Они могли ошибаться и падать сколько угодно раз, никто не упрекал и не стыдил их. Только они сами. Но делали они это шутя и смеясь, подбадривая друг друга. Теперь они смотрели друг на друга по-новому, новая жизнь стала раскрывать в них неизвестные до сих пор черты, привлекательные, которые раньше они не замечали. Они влюбились друг в друга заново. Не как в Саду, где они были как брат и сестра. Теперь их по-настоящему влекло друг к другу, по-взрослому. Они стали хозяевами своей жизни.

Ценой этому потрясающему чувству была необходимость постоянно утолять голод. Адам становился злым и раздражительным от этого сосущего изнутри чувства. Ева злой, раздражительной и ноющей. Иногда им не хватало фруктов и ягод, что они находили в окружающих

лесах, и нужно было уходить дальше. У Евы быстрее заканчивались силы, и она не могла далеко идти. Ей нужно было возвращаться в их укрытие и спастись от палящего солнца пока силы совсем не закончились. А они так и не нашли новые ягоды. Пришлось тащить её обратно. Она легла обессиленная, грустная, и заплакала. Ей было жаль, что она доставляет хлопоты Адаму, которого тоже мучает голод. Да, теперь случались такие моменты. Адам не мог смотреть на то, как она плачет. Она была такая нежная и хрупкая, особенно сейчас, когда от недоедания у неё выступили ребра и ключицы, а живот и щёки впали. Красота её, казалось, вот-вот рассыпется.

Он выбежал из укрытия, в негодовании и страхе, разъярённый побежал куда-то, под палящим солнцем, ещё больше изнемог, побежал в лес, разозлённый на обстоятельства, не знающий, что делать. Так он забрёл глубоко в незнакомый лес, который становился всё гуще и гуще. В ярости Адам отбивал и ломал ветки, мешающие проходу и норовившие ткнуть в глаз, пока не исцарапал руки до крови. Очередная ветка оказалась довольно плотной и толстой, а он уже не замечал ничего, размахивая руками, и ударился кистью с размаху об эту ветвь. От удара его охватили боль и отчаяние, он скакал на месте схватившись за кисть, уставший и готовый тоже расплакаться. Это разозлило его ещё больше. Он накинулся на источник своего раздражения и начал ломать в приступе ярости. С треском оторвав от дерева ветвь, он пошёл дальше, размахивая ею, как трофеем, отбивая препятствия на пути.

Вдруг сквозь шелест листвы и хруст веток он услышал глубокое рычание за спиной, от которого все его внутренности сжались и опустились вниз, готовые вывалиться и убежать. Адам застыл, как и кровь в его жилах. Инстинктивно он выбрал тактику притвориться невидимым, слиться с деревьями, исчезнуть. Он знал это рычание. Это был зверь. Самый страшный и быстрый. Сам он никогда с ним не сталкивался, но видел издавека, как тот напал на козулю, из травы. Она пыталась убежать, но зверь догнал её и съел. Зверь умел выслеживать и подкрадываться.

Секунды в пульсирующем виске Адама и в сердце отстукивали обратный отсчёт: «три». Бежать? Бесполезно. Он видел зверя в движении. Даже антилопы не могли от него убежать. «Два». Он не успел ничего придумать, зверь прыгнул. Адам резко обернулся и ударил зверя палкой с размаху по раскрытой челюсти. Зверь успел задеть его когтями и повалить на землю, но от удара приземлился немного в стороне и какое-то время тряс головой, оглушенный и не понимающий, что произошло. Придя в себя через мгновение, зверь с новым рыком бросился на свою жертву, но Адам успел выставить острый конец палки, и зверь налетел на него. Адам лежал, зажмурившись, на спине, изо всех сил вцепившись в палку. Он чувствовал тяжесть зверя, тепло исходившее от шерсти и жаркое дыхание, и не решался открыть глаза пока на лицо его не закапало что-то тёплое, густое и липкое. Это была кровь зверя. Она залила почти всё лицо Адама. Он отбросил переставшего дышать зверя в сторону, вытер рукой лицо, губы, и, ощутив запах крови, вспомнил про голод, который пробудился с новой силой. Он облизнул губы и распробовал кровь на вкус. Что-то дикое нахлынуло на него, он подполз к зверю и впился в рану, жадно высасывая свежую, ещё пульсирующую кровь, сладко-солёную на вкус, чувствуя одновременно и насыщение, и отвращение. Подавляя последнее, он глотал сгустки крови снова и снова пока его не стошнило.

Адам лежал рядом с убитым зверем, измождённый, но чувствующий приходящее насыщение, впервые за долгое время. К нему возвращались силы, и по венам к мозгу от благодарного организма бежало вознаграждение, готовое впрыснуться в кровь с новой силой. И когда это произошло, он встал, вцепился в палку, торчащую из груди зверя, и с силой направил её вниз к животу, распоров брюхо. Оттуда повалились внутренности. Адам снова почувствовал тошноту, но сдержался. Преодолев брезгливость, он залез в распоротое брюхо рукой, нащупал что-то пульсирующее, вырвал и достал. Это было сердце. Огромное. Безжалостное. Смелое. Он вгрызся в него зубами, оторвав кусок, и проглотил. Потом ещё и ещё, пока не съел полностью.

После он сидел рядом с телом животного, среди вытекших внутренностей, руки и рот его были в крови. Он чувствовал насыщение, которого никогда не достигал. Ему было тяжело встать. От перенесенного стресса и сытости Адаму хотелось спать. Но он вспомнил про Еву и поднялся. Эта пища поможет ей. Он взвалил на себя тушу зверя и потащил, опираясь на палку.

Прошло несколько часов, когда он дотащил тушу до убежища. Солнце уже почти касалось горизонта. Ева к тому времени развела огонь, так как он отпугивал зверей и давал тепло. Услышав треск веток и шум в кустах, она оглянулась и увидела Адама, волокущего что-то тяжёлое, но у неё не было сил пойти к нему навстречу и помочь. Адам дотащил свою ношу и бросил у костра перед Евой: «Ешь».

Она вытаращила на него удивлённые глаза, которые от ввалившихся щёк и выступивших скул, казались огромными. «Ешь», – повторил Адам и, оторвав кусок мяса, протянул ей. Ева всё ещё недоумевающе смотрела, но тут в ноздри ей ударил одурманивающий запах свежей плоти, отвратительный и пьянящий одновременно. Она не заметила, как разделалась с куском мяса, и попросила ещё. Глаза её снова загорелись прежним блеском. В них читалось восхищение и благодарность. Отрывая новые куски и протягивая ей, Адам с упоением наблюдал, как к ней возвращаются силы и жизнь, как щеки её розовеют, а во взгляде появляется что-то новое – она никогда раньше так не смотрела на него. Он чувствовал и смущение, и гордость и это придавало ему особую силу. Он знал, что готов убить снова за этот взгляд. С тех пор в арсенале их появилась палка.

Теперь, столько лет спустя, они сидели при свечах, за столом, накрытым белой скатертью, заставленным трапезой, в белых одеждах. Они ели из глиняной посуды, кувшины были наполнены вином. Земная жизнь оказалась трудной, но увлекательной, постоянно открывающая что-то новое, как вокруг, так и в них самих. Эта жизнь многое давала и многое забирала. Она требовала почти всё их внимание. Адам и Ева не замечали, как посвящали всё своё время повседневным открытиям и мелочам, срастаясь с ними, отдавая себя полностью. Эта жизнь стала теперь их реальностью, и она была очень реальна. Она требовала физических и умственных затрат и давала вознаграждение физическое и умственное, даже, можно сказать, духовное, – они чувствовали радость, удовлетворение, гордость, реализацию, ощущение силы, веру в себя и собственные способности.

Со временем менялось и состояние их тел и психики. Они приспособивались к жизни на Земле: кожа становилась плотнее и грубее, мышцы развивались и крепили, органы чувств обострялись и настраивались на окружающий земной мир, стараясь всегда быть настороже и начеку, не упустить что-то новое и важное. В мозгу образовывались нейронные связи и закреплялись в схемы, доводя многие действия до автоматизма. Самые глубокие и эффективные схемы превратились в инстинкты, в мощные программы, которыми люди уже не имели власти управлять – наоборот, инстинкты стали управлять людьми. Физический земной мир обрёл огромную власть над ними.

Сидя в этот вечер за столом при свечах, наполнив желудок свежеприготовленной олениной, выпив вина и немного расслабившись, Адам осознал это – что уже не помнит, каким был когда-то, ещё в Саду. И если бы не присутствие Люцифера здесь сейчас, сидящего напротив него, он бы про Сад и не вспомнил, и про своего Создателя... Всё это было как сон, от которого при пробуждении остаётся лишь тонкое приятное послевкусие, но невозможно ни вспомнить, ни сформулировать внятно, о чём он был. Но Люцифер был здесь живым доказательством реальности его прошлой жизни и его происхождения, с которым он утратил связь.

Адам заметил, как дети перешёптываются и подхихикивают, слушая рассказ Люцифера. «А ведь раньше они слушали, раскрыв рты...», – подумал Адам. Раньше они верили, что встретятся с Творцом, они желали этого, они старались строить Сад. Хотят ли они этого как раньше? Хотят ли они вернуться в свой истинный дом, и верят ли, что он существует, родившись уже

здесь, на Земле? Позаботился ли он, Адам, их отец, о том, чтобы передать им и сохранить в них эти знания, или он слишком увлёкся другими вещами и повлёк туда же сыновей? Сосредоточил их внимание и развивающийся живой ум, да, на важных вещах и многому научил, но не упустил ли он самое важное? Нужно ли им было столько скота? Им было достаточно еды, но большое количество домашних животных требовало много времени и сил для ухода. Авель тратил всё утро на то, чтобы пригнать скот на пастбище, весь день, чтобы пасти его, и вечер, чтобы загнать в хлева.

Помимо этого, как будто недостаточно было скота, и выращиваемых овощей и фруктов, они ещё и охотились с Каином, каждый день принося новую добычу. И он давно уже понимал, что дело не в желании есть, а в азарте и удовольствии.

Нужно ли им было столько одежды? Они что, действительно так уж и мёрзли? Зачем им столько мехов и тканей. Ева увлеклась шитьём бесчисленных нарядов, созданием украшений, проводила много времени перед зеркалом, как будто её красоты не было достаточно, но она прекрасна и так, без всего этого... Особенно без всего этого...

Каин уже давно начал настаивать своей ловкостью на охоте и тягой к этому делу. Сначала Адам был доволен, что сын так быстро и легко учится и перенимает его опыт. Затем он стал замечать нездоровый блеск в глазах сына, а жестокость и отсутствие сострадания к животным и то, с какой лёгкостью и невозмутимостью он лишал их жизни, стали даже пугать.

Каин как будто уже родился с этими навыками и уже давно превзошёл отца в охоте. Это из-за его просьб они каждый день предавались данному занятию. И ведь это, он, Адам, каждый раз потакал. Ведь это он его научил. Теперь жестокость стала второй натурой сына, когда-то весёлого и нежного мальчика. Но научил ли он его любить животных и любое живое существо? Проявлять уважение к жизни? Сохранять её? Похоже, что нет. Чем старше становился Каин, тем жёстче, прямее и вызывающей становился его взгляд, любовь и сострадание исчезали в нём. Он относился к миру, как к добыче, которую в любой момент может и имеет право заплодучить.

Тревожные мысли одолевали Адама. Возводили ли они здесь Сад или только потребляли ресурсы, данные им, доверенные им? И всё это, чтобы насытить свои животы, забить сундуки тряпками и побрякушками, бесконечно достраивать свой и так огромный дом, без конца украшая его, хотя он и так прекрасен и уютен.

Кажется, они отклонились от курса и двигались не туда. Что ж, он это допустил, он это и исправит. Адам ударил кулаком по столу, так, что глиняная посуда задребезжала, слегка подлетев.

– Что такого смешного вы сейчас слышите, а? – брови его сомкнулись, как две грозовые тучи. – Слушайте, что говорит вам ангел! Он спустился к нам с небес, чтобы донести истину, которую мы начали забывать и перестали ценить! А вам полезно знать, потому что вы появились уже здесь и не видели ваше истинное происхождение, ваш настоящий дом. Насколько он прекрасен. И как прекрасны вы по своей сути.

Адам сделал паузу, чувствуя, как ком подкатывает к горлу. Он заметил, что Авель испугался и затих, слушая с серьёзным лицом. Но в глазах Каина всё ещё искрилась насмешка и не собиралась угасать.

– Что тебя так веселит, Каин? – грозно спросил Адам. – Мы хотим знать. Поделись с нами. Глаза Каина дерзко сверкнули:

– Отец, если это ангел с небес, как ты говоришь, почему же он истекает кровью, как и любая тварь на земле? Почему его волосы не из лучей, как ты говорил, а в точности как наши? Он такой же, как мы, как человек, разве что зачатый от птицы.

Каин чуть не прыснул со смеху от того, какое оригинальное сравнение ему только что пришло в голову.

– Это ангел! – почти кричал Адам, теряя самообладание, вскочив с места и вцепившись в молча воспринимающего ситуацию Люцифера. Не найдя ответов у себя в голове, Адам незаметно для себя начал трясти своего гостя и друга, как будто пытаюсь вытрясти из него весомые аргументы и доказательства, прежде всего для себя, ведь так сотрясался мир его убеждений. Он тряс его с такой силой, что в какой-то момент с Люцифера слетел парик, обнажив его вспотевшую лысину.

Люцифер не успел ответить, что для того, чтобы оказаться на Земле, с ними, он вынужден был подчиниться законам физического мира и играть по тем же правилам, что и все здесь. Ведь этот мир не делает исключений ни для кого. Даже для ангелов. Поэтому Люцифер теперь тоже потел, лысел и кровоточил.

Мальчики прыснули со смеха, указывая пальцем на Люцифера. Они держались за животы и утирали слёзы. Даже Ева залилась своим звонким заразительным смехом. Адам какое-то время в недоумении смотрел на парик, потом на лысину. Затем стадный инстинкт охватил и его, он не выдержал и засмеялся тоже, схватившись за живот. До слёз.

IV

Каин убил Авеля. Много лет спустя после того вечера, когда Адам осознал необходимость передачи знаний о Небе своим детям. Когда понял, что слишком увлёкся материальным миром, наслаждениями и возможностями, которые он даёт. Адам видел обратную сторону этого нового существования. Он видел смерть. Всё живое здесь имело свойство умирать. Ничто не жило вечно. Хотя, как посмотреть, – всё жило вечно в том плане, что когда что-то умирает, ему на смену обязательно приходит что-то новое. Цветы распускаются и увядают, но на следующий год снова распускаются. Листья желтеют и опадают. Животные рождаются и умирают, и снова рождаются, и снова умирают. Даже скалы разрушаются. Адам понимал, и с каждым годом всё отчётливее, что и его тело, с которым он так сросся, когда-то разрушится и превратится в прах. И он не был уверен, что тогда не придёт конец и ему. Ведь тело это единственное, с чем он теперь себя ассоциировал. Он сомневался, что успеет достичь состояния совершенства и обрести вечную жизнь на Земле. Он замечал, что мускулы его истончаются и дряхлеют со временем, движения уже не такие резвые, как раньше. Адам реже теперь выходил на охоту, доверив это дело Каину и его сыновьям. Он знал, что скоро сам опадёт, как пожелтевшая листва, и растворится в земле. Где и когда он сбился с пути? Ушёл от намеченной цели? Почему ничего не успел? Ведь времени было достаточно... Но больше он волновался не за себя, а за своих детей и их детей. Его дети должны успеть, они должны достичь...

Умирая, Адам держал за руку ангела, когда-то упавшего с небес за ним, и тихим голосом просил проследить, чтобы потомки его возвели здесь Сад и вернулись в свой истинный дом, чтобы они дошли. Люцифер пообещал сделать всё от него зависящее, сжав руку Адама. Через некоторое время он отошёл, освободив место у ложа умирающего для членов семьи, которые постепенно обступили и загородили Адама. Постояв некоторое время в нескольких шагах за их спинами, Люцифер смахнул слезу и неслышно удалился.

Вот и не стало человека, которого он знал в Саду, за которым последовал сюда. Люцифер знал, что они ещё встретятся, но когда это произойдёт, ему было неизвестно. Жизнь на Земле оказалась непредсказуемой. Но оставались дети Адама и внуки, его частица жила в них, и Люцифер дал обещание вернуть их в Сад. Он должен сдержать слово.

И теперь, узнав о совершенном Каином поступке и о смерти Авеля, Люцифер мчался к ним сломя голову. Сердце его бешено колотилось, пытаясь вырваться из груди и разбиться. Ему самому хотелось прыгнуть со скалы и разбиться вместе с ним. Он хотел сгореть в огне и превратиться в пепел, лишь бы не чувствовать той боли и ужаса, которые его охватили. Он сходил с ума. Он опять не справился с задачей.

Тяжело дыша и схватившись за голову, он пытался успокоить мысли и осознать произошедшее. Ведь оставались другие люди, и они продолжали жить. Он не мог их бросить. Нужно было как-то справиться. Они отделились от состояния Сада ещё дальше. Но дело состояло уже не в том, насколько они отделились, а в том, останутся ли они вообще живы, если однажды совершив подобное, не переубивают друг друга.

Люцифер не знал, что люди на такое способны, но они оказались способны. И кто знает, на что они окажутся способны ещё. Люцифер понимал, что совершив этот поступок, Каин приоткрыл дверь, точнее пробил дыру, образовав трещину, через которую испарялась прежняя лёгкость и вползало что-то тяжёлое и вязкое, постепенно заполняя собой освобождающееся пространство, имея теперь на это право. Оно окутывало Каина с головой, душило и поглощало его. Под этой тяжестью Каин падал в бесконечную пропасть, где должен был достичь раскалённого ядра земли и сгореть в его пламени. Но Люцифер не мог допустить гибели ещё одного сына Адама. Он обещал. Он кинулся за ним в пропасть и, подставив крыло, подхватил Каина, который уже практически терял сознание от удушья, но успел вцепиться в крыло Люцифера,

перебраться на спину, как когда-то в детстве, и из последних сил удерживаться пока они летели обратно вверх.

Последние несколько метров Люциферу пришлось карабкаться по отвесной скале пропасти, лететь он уже не мог – Каин был слишком тяжёлый. Выбравшись, Люцифер сбросил свою ношу на поверхность земли. Каин уже меньше задыхался, так как некоторые куски грязи, налипшие на него, поотваливались пока они летели наверх. Но частично грязь всё еще покрывала его тело, она успела переползти и на Люцифера и испачкать крылья. В местах, где держался Каин, перья впитали грязь и стали темнее.

Оказавшись снова на поверхности земли, Каин отдышался и через некоторое время, не глядя на Люцифера, встал и побежал. Добравшись до дома, он позвал жену и детей и сказал им собрать необходимое, чтобы уйти на другую землю. Здесь, в доме своего отца, он оставаться не мог. Уходить нужно было как можно скорее, пока остальные не узнали. Он не хотел, чтобы другие увидели его запятнанным несмываемой грязью, и не хотел её распространять. Он видел, что грязь передаётся жене и детям при соприкосновении с ним, переползает пятнами, хоть и в разбавленном виде. Появилась надежда, что когда-нибудь, через поколения, грязь растворится и смоется. Его род очистится. Но пока Каин не мог смотреть своим домочадцам в глаза, избегал встречи взглядом с ними, на все распросы отвечал молчанием.

Уходя, Каин окинул напоследок взглядом родительский дом, перед глазами его пронеслись проведенные здесь годы, счастливые и безмятежные, как оказалось. Почему ему было мало этого тихого счастья? Почему ему всегда хотелось чего-то ещё? Чего-то большего. Он верил, что достоин большего, что он особенный. Ведь так и было. С детства он видел восхищение в глазах родителей и своего брата. Он всегда был первее, смелее, сильнее. С кем он соревновался? Ведь никто не соревновался с ним. Никто не думал что-то отбирать у него, ему во всём уступали и просто любили. А он не смог уступить брату, один единственный раз...

Проведенные годы мирного существования проносились в его голове воспоминаниями. Он слышал смех Авеля, когда тот ещё был ребёнком, чувствовал дружеское ободряющее похлопывание по плечу, которым он всегда его поддерживал, видел светящиеся глаза, всегда полные расположения и тепла к нему, полные доверия... И затем, резко – его бледные веки, сомкнутые навсегда, стекающую по ним из сочащейся на виске раны кровь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.